

Тексты... К стихам ли отнести их, к прозе ли - критики решают этот вопрос по-разному, и Рубинштейн не возражает ни против одного, ни против другого. Главное, что форма, которую он избрал, позволяет тексту стать абсолютно объемным, при этом каждый отдельный текст на отдельной карточке живет своей жизнью и играет свою таинственную роль в произведении как таковом. Объектом рассмотрения могут служить предметы низкие - тексты Рубинштейна избилуют прямой речью, какими-то идиотскими, вырванными из разговоров репликами, насыщены бытом и конкретикой, и при этом в целом являют собой произведения в высшей степени загадочные и возвышенные. От карточки до карточки лежит пауза, в которой заинтересованному читателю и говорится-то самое важное...

- Ваши тексты благодаря своей форме каким-то образом разворачивают пространство, структурируют звук, вызывая к жизни невидимые вещи. Мне кажется, должны встречаться "жертвы" вашей поэзии, попавшие под ее влияние...

- Я часто работаю с обиходной бытовой речью, то есть ее эстетизирую, и многие читатели говорили мне, что после какого-то прочитанного объема моих текстов ловят себя на том, что говорят цитатами из них. А влияет ли это на меня самого - это очень трудный, но интересный вопрос, и на него практически невозможно ответить. Потому что я не знаю, что на что больше влияет: я - на текст или текст - на мое сознание.

Можно было бы сделать интервью с Рубинштейном "под Рубинштейна" - написать вопросы и ответы на карточках, попросить напечатать их отдельно, а потом вклеить в газету. Но, не говоря о том, что газета не выдержит этого по технологическим причинам, любое подражание этому поэту бессмысленно. Поскольку его художественный прием неповторим, а будь этот прием лишь умелой данью концептуализму, "рубинштейнов" могло бы быть сколько угодно. Удерживаясь в рамках любого направления, можно быть таким головокружительно-своеобразным, что уже не твоё творчество зависит от судьбы литературного течения, а судьба течения зависит от твоего творчества.

- Сегодня концептуализм получает от критики одни пинки - питалось движение, мол, одной мертвечины советского языка, а теперь этот язык исчез, советские реалии ушли, и питаться

ему нечем. Вам не обидно, что критика так быстро попыталась похоронить ваше направление?

- Заранее скажу, что мне на это плевать... Но это был бы слишком короткий ответ. Если говорить серьезно, на этот вопрос есть два ответа. Один - что концептуализм, безусловно, уже был, и сейчас его уже, конечно, нет. Потому что более или менее авангардное явление не может существовать долго, оно становится фактом истории, и в этом смысле его бесполезно пинать или не пинать... Реальные персонажи концептуализма живы и работают, каждый из них имеет какой-то метод и продолжает каким-то образом влиять на язык, на жизнь языка и так далее.

То, что концептуализм питался мертвечиной - это не неправильное, а очень поверхностное суждение. По крайней мере я могу говорить о себе, что главным пафосом моего писания было как раз оживление мертвого, оживление мертвых зон языка. Да, вся та, советская, фактура уехала. Но ведь есть новый язык, есть новые проблемы языка, а концептуалистский метод - это прежде всего работа с языком. Второй ответ в том, что все эти претензии и мнения - это вообще не про меня и даже не про концептуализм, а про одну разновидность концептуализма, которую называли соц-артом и которая

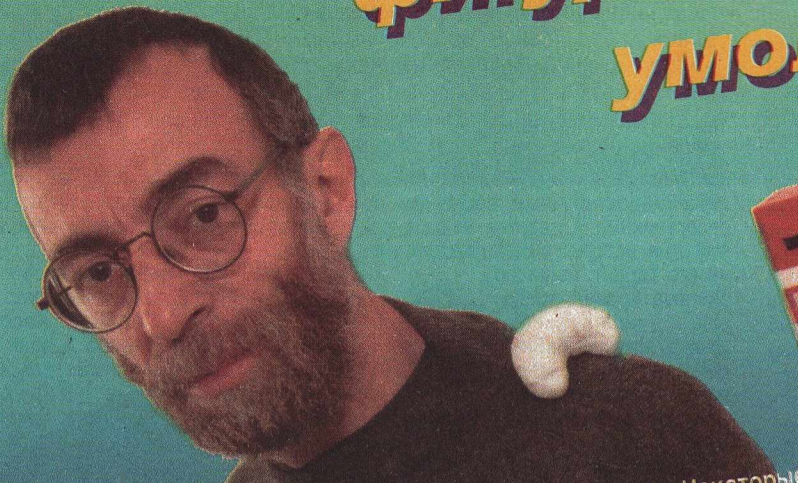
реагировала на социальную эмблему советского времени. Конечно, сейчас вся та фактура ушла в прошлое. Но я думаю, что если художник один раз попадает в культурный контекст, то потом это попадание будет, и будет воспроизводиться.

- Например?

- На эту мысль навело меня чтение лотмановских комментариев к "Евгению Онегину". Я понял, что мы всю жизнь неправильно читали "Евгения Онегина", что современники понимали этот текст совершенно иначе - там была куча намеков, понят-

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН:

фигура умолчания

"А еще сказано: "Завишу от целого ряда обстоятельств. Некоторые из них хорошо известны". А также сказано: "Боюсь признаться себе в некоторых вещах. А если бы не боялся, то что - лучше бы было, было?" А еще сказано: "Все озираюсь в поисках поддержки, потом стыжусь собственной слабости, потом стыжусь собственного стыда. И вот так все время". Переключать, таким образом, произведения Льва Рубинштейна - по сути подлинное искусство. Поскольку - это все равно, что напеть Карузо или напечатать Мадонну Рафаэля, как малю какой-нибудь негодный. Поскольку стихи Рубинштейна необходимо печатать так, как они написаны - на карточках. Еще лучше видеть самого Льва Семеновича в действии - когда он читает своим голосом (нет больше такого голоса) свои тексты.

ных только им. Но тем не менее мы читаем "Евгения Онегина". Так что, я думаю, это не проблема конкретного метода, а проблема всех методов.

- Большинство сегодняшних читателей выросло на совершенно конкретной литературе, которая учила жить, пыталась навести в мире порядок и давала конкретное представление о конкретных вещах. А про всю другую литературу такой читатель говорит: а что я могу из этого почерпнуть? - и относится к ней с недоверием.

- Можно почерпнуть, на мой взгляд, очень существенное - увидеть язык и его движение. Но если люди привыкли - пусть и дальше читают традиционную литературу. Так называемая большая литература и все ее традиции были умны в девятнадцатом веке, скажу это при всей моей к ней любви. И Шаламов, конечно, был прав, когда обвинял всю великую русскую литературу во всем, что со страной произошло.

- А что вы сейчас читаете?

- Что касается так называемой художественной литературы, то я в последние годы с гораздо большим удовольствием перечитываю, чем читаю новое. А из текущей словесности мне, как ни странно, интересно сейчас читать критику. Не потому, что критика стала хорошей - она достаточно странная и не нашедшая своего единого тона, но в ней существует свой нерв, интрига. Критики спорят, выясняют какие-то отношения... Критика пытается создать литературную атмосферу, которой-то как раз и нет. Время от времени у них появляется необходимость назначить кого-то "первым романистом" или "первым поэтом". Я не знаю, что значит словосочетание "первый поэт". Я понимаю, что такое "первая скрипка", хуже понимаю, что такое "первый вице-премьер", но что такое "первый поэт" - я не понимаю. А кто второй? Кто назначил? И критерии не ясны...

Традиционная литература мне сейчас представляется в виде какого-то болота. Она живет в этих неподъемных толстых журналах, и маленькую заметку о романе мне прочитать интереснее, чем сам роман. Как-то решил попробовать прочитать расхваленный роман, открыл на середине и прочитал одну фразу, что-то вроде: "Анфиса вышла на крыльцо и протяжно завыла", - захлопнул и думаю, что на долгие годы это - все. Но весь ажиотаж создает критика, и огромное ей за это спасибо.

Когда у нас было еще литературное подполье и Лев Рубинштейн к этому подполью волей-неволей относился, его немалочисленные друзья и поклонники, при всей любви и восхищении, мало верили в его будущий успех. Ожидать, что подобная поэзия будет успешной - комплимент

времени, обществу и критикам. Комплимент прозвучал, хотя как-то негромко. Имя Рубинштейна сегодня - это имя классика концептуальной литературы. Особое признание он получил на Западе, потому что нам в принципе не до наших классиков-современников. Ну, может быть, у нас дела поважнее есть - я не знаю...

В свое время известный, замечательный литературовед и знаток Серебряного века Галина Белая говорила нам, студентам: "Только не говорите мне, что Рубинштейн - это поэзия!" Она была искренне расстроена за литературу. И по-своему была абсолютно права: Рубинштейн - это никакой не Серебряный век... Ну, так и на дворе у нас время другое. Жизнь прошедшим днем при желании можно (может быть, это даже почетно), но зачем к этому призывать всех поголовно?

- Дмитрий Александрович Пригов в интервью сказал, что не видит ничего актуальнее в современной литературе, чем он сам, вы и Владимир Сорокин. Как вы относитесь к этому мнению?

- Осторожно отношусь. Я на самом деле тоже не вижу... Но я не хочу, чтобы это звучало директивно: не вижу - это не значит, что ничего нет. Дело, я думаю, больше во мне, чем в том, что происходит вокруг. Я как бы потерял интерес к новым именам, то есть все дело в моей читательской потребности. Если я в какой-то момент почувствую необходимость к обнаружению нового имени, то это новое имя тут же и появится...

- Помимо того, что все мы живем в государстве, каждый из нас живет в своем личном мире - веселом, или тоскливом, или тревожном... Как бы вы определили настрой вашего мира, он какой?

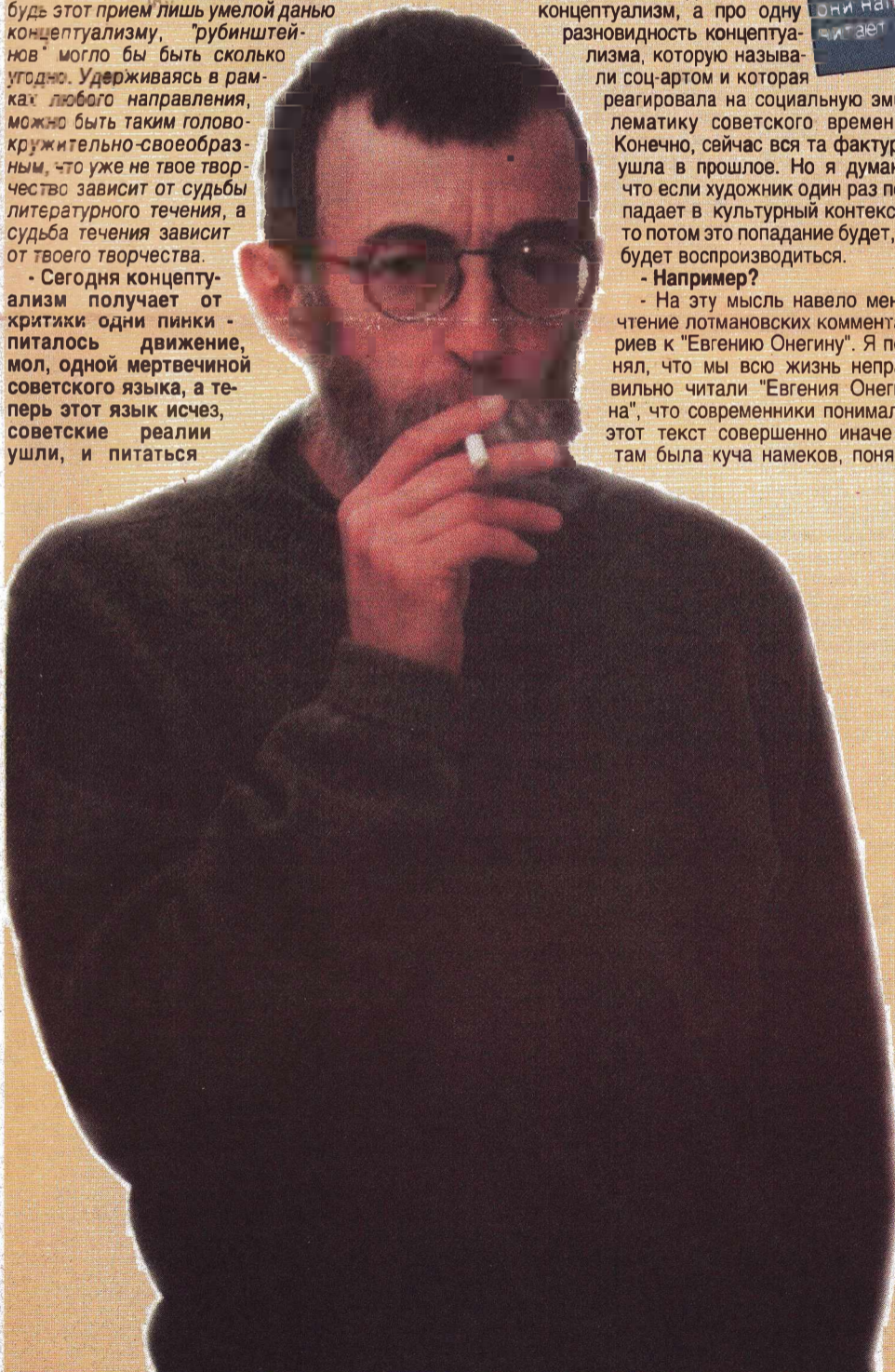
- Как-то так сложилось, что мой мир связан с состоянием языка. Я пытаюсь реагировать на язык, на его изменения...

- Бывают у вас такие минуты, когда вы что-то сделали и подумали: "Да я же гений!"?

- Ой, нет! Я бы вообще исключил это слово из обихода. Нет, у меня были ощущения какой-то редкой удачи, когда мне хотелось процитировать Пушкина на свой счет - "ай, да сукин сын!" Ощущение попадания - это редкое ощущение. И, может быть, это ощущение - единственное оправдание того в сущности порочного занятия, которому мы все, творческие люди, предаемся.

Люди творческие выбирают себе объекты творчества согласно собственным аппетитам. Лев Рубинштейн скромно выбрал своим объектом слово, которое, как известно, было вначале, и тишину, которая была до слова... Фигура умолчания в его поэзии - главное действующее лицо. Ну, и я умолкаю.

Лариса ВИННИК

Rubinshteyn Lev

08. 96 898